

На досугѣ въ Корей въ 1897 году.

Въ половинѣ марта 1897 года, поднимаясь изъ Сіама и французскаго Индо-Китая на сѣверъ, я рѣшилъ заглянуть въ «страну утренней тишины», гдѣ наше вліяніе тогда стояло высоко. Въ Шанхай я сѣлъ на Шевелевскій пароходъ «Владиміръ», не безъ курьезовъ доставъ билетъ, такъ какъ два раза не заставалъ агента, но послѣ 3-хъ-мѣсячнаго странствованія на американскихъ, французскихъ, англійскихъ пароходахъ, пріятно было помѣститься на русскомъ суднѣ. Съ опытнымъ капитаномъ Большаномъ я шель не впервые, зналъ, что онъ насъ благополучно доставитъ въ Чемульпо, что на завтра мы перезнакоимся со всей администраціей, они намъ расскажутъ не мало интереснаго изъ жизни мореходовъ, особенно про сѣверныя плаванія, что ходъ будетъ малый—узловъ 8 (верстъ 14), но послѣднее для меня было безразлично; я вольный туристъ, ѣду безъ дѣла и не тороплюсь. Мы вышли изъ Шанхая при 5°; внѣ города стали для погрузки американскихъ патроновъ для Владивостока; судьба вѣчно наталкивала меня то на сосѣдство каюты съ 50-ю пудами динамита, то на судно съ порохомъ; въ устьѣ Янтсе стали, боясь выдти въ море, ввиду тумана; за обѣдомъ я познакомился съ пассажирами 1-го класса; мой vis-à-vis, секретарь корейскаго министерства внутреннихъ дѣлъ г-нъ Чучекъ-Мень, возвращается изъ Петербурга въ Сеулъ, ѣздилъ для подготовки къ службѣ, по нездоровью не могъ перенести сѣвернаго климата; скромный, симпатичный, любознательный, онъ старался говорить немного по-русски, съ восторгомъ рассказывалъ о видѣнномъ въ Россіи и особенно его поражала дѣятельность министерства финансовъ.

Его сосѣдъ, молодой кореецъ, говорящій немного по-англійски, держится важно, рекомендуется значительнымъ чиновникомъ министерства финансовъ, владѣльцемъ каменно-угольныхъ копей, предлагаетъ свою протекцію по устройству въ Корей концессій, аренды и т. д.; потомъ оказалось, что онъ мелкій чиновникъ и на его дворѣ помѣщается складъ угля изъ рудника тестя; третій компаніонъ, мой сосѣдъ господинъ Біано, пожилой, веселый италіанецъ, открываетъ въ Сеулѣ отель и винную торговлю, разспрашиваетъ насъ, что русскіе пьютъ, какой комфортъ любятъ въ гостиницѣ, записалъ адресъ Петра Смирнова, табачныхъ фирмъ и т. п. Италіанецъ передъ обѣдомъ поусердствовалъ надъ безконечной закуской, а когда подали супъ, то объявилъ свое заблужденіе: рассчитывая на разныя неожиданности, онъ закуску принялъ за русскій обѣдъ.

Вечеръ простояли у Вузунга (китайская крѣпость при сліяніи Янтсе и Ванпу) безъ особой скуки; капитанъ игралъ на піанино, рассказывалъ многое изъ пережитаго на морѣ; уроженецъ русской Аляски, онъ воспитывался сначала въ Петропавловскѣ, учился въ Америкѣ, вдоль и поперекъ изѣздилъ китайскія, японскія и сѣверныя моря до Берингова пролива, былъ выброшенъ въ штормъ на берегъ Сахалина, бродилъ по недѣлѣ въ туманахъ, ориентуясь по реву сивучей—сирень сѣвернаго моря (по ихъ реву узнаютъ въ туманы близость берега), словомъ, это интереснѣйшій капитанъ — «морской волкъ». У Шевелева былъ другой знаменитый мореходъ Лимашевскій, командиръ «Байкала», проплававшій около 30-ти лѣтъ на востокъ; онъ поразилъ пассажировъ, узнавая закутаннаго туманомъ грозныя скалы береговъ Сахалина, настойчиво кормилъ пассажировъ кашецей по утрамъ — на манеръ англійскаго Porridge и при выходѣ въ открытое море традиціонно повторялъ: «пошелъ Байкалъ воду пахать». Оба морехода оставили службу у Шевелева. Вечеръ прошелъ. На утро, проснувшись, я почувствовалъ по плеску волнъ о борта и легкому дрожанію корпуса, что мы въ пути—въ открытомъ морѣ; было довольно прохладно—4—5° тепла по С., такъ что послѣ двухмѣсячной поѣздки по Сіаму, Камбоджѣ и Кохинхинѣ, мнѣ приходилось кутаться; завтракъ и обѣдъ прошли удачно, но съ полудня, выражаясь морскимъ языкомъ, «засвѣжѣло», вѣтеръ сталъ «разводить зыбь» (моряки и 50 ф. волну не прочь называть зыбью), а на утро нашъ небольшой пароходъ, какъ мячъ ле-

галь по волнамъ, качаясь вдоль и переваливаясь съ борта на бортъ; къ нашему несчастью онъ обладалъ «стремительной качкой»: брошенный на одинъ бортъ, онъ лежалъ въ этомъ положеніи нѣкоторое время и вдругъ быстро летѣлъ на другой; кое какъ одѣвшись, цѣпляясь за шнуры и бруски у стѣнъ, выхожу въ каютъ-кампанію — ни души: корейцы въ своихъ каютахъ стонутъ и увѣряютъ, что сейчасъ умрутъ, чему никто понятно не вѣритъ, китаецъ «бой» говоритъ, что италіанецъ на верхней палубѣ дышетъ свѣжимъ воздухомъ; въ качку это самое лучшее. Хватаясь за что возможно, вылѣзаю наружу; на нижнюю палубу поддаетъ волну за волной, слегка окатываетъ; лѣзу на верхъ; Біано сидитъ закутанный и дрожить; вѣтеръ рветъ и реветъ, снасти бьются другъ о друга, трещать и скрипятъ, волны расходились и по ихъ гребешкамъ затѣйливо выются и пестрѣютъ бѣлые барашки; порывами вѣтра срываетъ гребешки и въ мелкихъ брызгахъ несетъ соленая водяная пыль, падая на губы, лицо, которое стягивается отъ соли; къ вечеру вѣтеръ еще покрѣпчалъ, завтракали мы безъ корейцевъ, а сервировать обѣдъ оказалось невысказаннымъ и мы ѣли въ каютахъ то, что могъ приготовить поваръ; вечеромъ, лежа въ койкѣ приходилось принимать мѣры, чтобы не вылетѣть на полъ, въ каютѣ царило полное оживленіе: калоши, чемоданы, плевательница, палка летали по полу отъ одной стѣны къ другой, все трещало и звенѣло; но сонъ беретъ свое; съ мыслью проснуться при лучшей погодѣ засыпаешь, уцѣпившись за петлю шнура у стѣны. Правда, на другой день къ полудню стало тише, хотя густой туманъ закуталъ все кругомъ; настоящий штормъ по вахтенному журналу длился около 40 часовъ, а по чувствамъ пассажировъ двое сутокъ; кренъ достигалъ 35 градусовъ, за туманомъ пароходъ не могъ опредѣлиться — гдѣ онъ, а вѣтромъ и теченіемъ насъ шибко снесло, такъ что на 48-ми-часовомъ пути Шанхай—Чемульпо мы имѣли опозданіе 48 часовъ (выключая простой у выхода въ Вузунгъ).

Чемульпо передовой портъ Сеула, жалкій городъ; по берегу у подошвы голыхъ горъ разбросаны дома; два рейда: на внѣшнемъ стояли три русскихъ военныхъ корабля, одинъ англичанинъ, одинъ американецъ, на внутреннемъ рейдѣ — каботажники, да торговые японцы, которые при отливѣ, достигающемъ здѣсь 35 ф. становятся килемъ на дно, рискуя завалиться.

Живо окружили нашъ пароходъ лодки и за 1 рубль доставили на берегъ; таможенные чиновники и полицейскіе безучастно смо-

трать на проносимый багажъ; по грязной улицѣ дошелъ я до японской гостиницы «Дайбутцу» и черезъ $\frac{1}{4}$ часа уже грѣлся у камина, забывъ и штормъ и непогоду и раздумывая, когда отѣхать въ Сеуль.

За сквернымъ обѣдомъ въ общей столовой я встрѣтилъ корейское общество съ военнымъ министромъ Мин-юн-Хуаномъ, отправляющееся въ Россію; не могу не припомнить, что министръ, бывшій на коронаціи, не хотѣлъ уѣзжать изъ Россіи, даже послѣ прощальной аудіенціи Государя и на намеки, что пора отправляться, говорилъ: «если бы не служба королю, все продалъ бы и остался въ Россіи»; правда, это много надежнѣе, нежели въ Корей, гдѣ сегодня министръ, капиталистъ, а завтра станутъ ногти рвать, выламывать ребра и соплотъ на Кельпартъ (корейскій Сахалинъ); уѣзжая въ Корею, онъ крайне опечалился, что и клюквеннаго квасу ему больше не пить; но пробывъ въ Сеулѣ 3—4 мѣсяца, онъ опять отправлялся въ Россію.

Въ 9 часовъ я уже легъ спать, рассчитывая возмѣстить то, что не доспалъ на морѣ. На утро, нанявъ за 4 рубля пару коней подъ себя и подъ вьюкъ, я двинулся въ 45-ти-верстный переходъ. Проѣзжая корейскіе кварталы Чемульпо, приходилось зажимать носъ. Дорога идетъ горами, мѣстность разнообразна, рельефъ сильный, но спокойный; есть два большихъ перевала, но такихъ, что полевая пушка перейдутъ съ помощью людей и тормазовъ; по пути небольшія рѣчки съ мостами и бродами. Маленькія лошадки, привычныя къ горамъ, неспотыкливья, быстро шагали, обходя торчащіе камни; поселеній мало, кое-гдѣ за зеленѣющей листвою раскидистыхъ деревьевъ виднѣются хутора; у дороги поля, подготавливаемые подъ рисъ, разбитыя на клѣтки канавами, обрамленныя валиками, по мѣстамъ водоемы для искусственнаго орошенія; эти клѣтчатая поля встрѣтишь и въ Китаѣ, и въ Японіи, и въ Кохинхинѣ, Камбоджѣ, Сіамѣ. Корейскія деревни слегка напоминаютъ наши, живая изгородь въ видѣ околицы, разбросанныя избы и кое-гдѣ деревья зачастую похожія на наши ветлы.

На полпути привалъ въ корейской деревнѣ; остановились у крошечной гостиницы, содержимой японцами, гдѣ мнѣ дали легкій завтракъ: вареный рисъ, яйца, картофель и неизбѣжный у японцевъ сдобный хлѣбъ-кастеро вродѣ коврижки. Подозрительные и любознательные хозяева закидываютъ вопросами, кто, куда, зачѣмъ. Я нигдѣ не скрывалъ своего настоящаго имени; спрашиваютъ: когда

займутъ русскіе Сеуль, почему русскіе, а не японцы инструктора въ Корей. Черезъ часъ, рассчитавшись за себя и заплативъ за завтракъ моего погонщика 2 копѣйки, двинулся впередъ. Далѣе горы представляли характерныя черты дѣятельности вулканизма—вылитые въ округленныхъ массахъ, базальтовые массивы; растительность ничтожная.

Версть за 10 передъ Сеуломъ, горы отходятъ вдаль. Мы вступили въ долину рѣчки, на которой стоитъ городокъ Риопсанъ—пароходная пристань линіи Чемульпо—Сеуль; здѣсь ѣхавшіе на пароходѣ перемѣщаются на паланкинъ или джигиркишей. Кстати о послѣднихъ; извѣстно, что въ Японіи очень распространена ѣзда въ коляскахъ-двуколескахъ, запряженныхъ челоукомъ, при тактѣ 6—8 копѣекъ въ часъ; въ Корей тоже многіе занялись этимъ промысломъ, но непривычный и неловкій кореецъ иногда не сможетъ удержать въ рукахъ оглобли (на спускѣ, на разбѣгѣ), бросаетъ ихъ и пасажиръ, описывая собственной особой почти полную окружность, летитъ черезъ голову на землю; такіе инциденты отучили европейцевъ пользоваться корейцами-рикшами, а заказываютъ японцевъ; послѣдніе же въ Корей важно держать себя на положеніи цивилизованной и интеллигентной націи и берутъ втрое дороже.

Въ 5 часовъ вечера я въѣхалъ въ Сеуль и, не зная даже одного слова по-корейски, не безъ труда нашель квартиру моего знакомаго; отдохнувъ сутки, я сдѣлалъ обычные визиты нашему повѣренному, консулу и русскимъ офицерамъ-инструкторамъ.

То было время наибольшаго нашего вліянія. Въ Корей русскимъ представительствомъ подготовлялась почва для непосредственнаго участія и воздѣйствія на ходъ дѣлъ нашей сосѣдки, въ судьбу которой вмѣшивались и американцы и японцы; первые для устройства коммерческихъ предпріятій и авантюристскихъ походовъ на государственной службѣ у корейцевъ, а вторые—мечтая изъ лучшей части Кореи создать свою колонію, чему они положили доброе начало въ Фузанѣ, Гензанѣ и многихъ иныхъ городахъ, устроивъ колонистовъ, поставивъ гарнизоны, наводившіе страхъ на корейцевъ; въ то время прибыли наши инструктора изъ Примурья, по инициативѣ ѣхавшаго въ Корею полковника Д. В. Путятя; подъ его началомъ дѣло установилось и черезъ три мѣсяца послѣ ихъ пріѣзда, корейскіе солдаты выглядели молодцами, ловкими и умѣлыми; объ этомъ впереди.

Вслѣдъ за инструкторами двинулась армія, но коммерческая,

представители русскихъ фирмъ Владивостока, типичные въ томъ краю «предприниматели»—часто безъ знаній, опыта и средствъ; начались хлопоты о концессіяхъ на разработку руды, каменнаго угля, золотыхъ приисковъ (американцы уже имѣли ихъ въ Пиньянѣ), на эксплуатацію лѣса (г. Бринеръ кажется уже велъ это дѣло), на устройство каботажнаго плаванія, на рыбный промыселъ по Корейскому побережью; наводили справки о пріобрѣтеніи недвижимости въ тѣхъ городахъ Кореи, которые могли пріобрѣсти значеніе съ развитіемъ торговли и промышленности.

Насколько исполнились эти желанія и просьбы, я не знаю; нѣкоторые задались несбыточнымъ: напримѣръ, исключительное право разрабатывать руду едва-ли не въ половинѣ Корей. Кромѣ того въ Корей трудно добиться чего-либо легальнымъ путемъ; послѣ первой попытки, нѣкоторымъ стало ясно, что успѣхъ зависитъ отъ знакомства и задабриванія мандариновъ, отъ куша, предложеннаго тому или иному корейскому сановнику; но если въ нашей миссіи узнаютъ объ этомъ, то не только не поддержать хлопотъ, а напротивъ, могутъ повести дѣло противъ такого предпринимателя. Что надежды на заработокъ въ Корей не были единичными, показываютъ и тѣ факты, что члены русской колоніи Сеула получали письма отъ торговцевъ изъ Петербурга; одинъ жаловался, что въ сѣверной столицѣ плохо приходится «нашему брату ярославцу» отъ иностранцевъ, другой начиналъ на почвѣ патріотической, выражая готовность помочь средствами развитію русскихъ школъ и православія въ Корей и въ заключеніе спрашивалъ, какое выгодное дѣло могъ бы онъ завести тамъ, какой товаръ туда подходить; были любители и казенной службы въ Корей, желавшіе вычеркнуться изъ нашей табели о рангахъ, а попасть въ корейскую, на содержаніе, подходящее лицу нашего N-наго класса.

Наши сукна издавна славились въ Корей, какъ лучшія изъ дешевыхъ; затѣмъ слава эта стала падать, но не по нашей винѣ; немцы стали поддѣлывать наши русскіе ярлыки и сбывать въ Корею еще дешевле; товаръ былъ изъ рукъ вонъ плохъ, русскій почти вытѣсненъ, а поддѣланное корейцы не стали брать, на поддѣлку же своевременно не обратили вниманія (пожалуй, это дѣло консульской части). Отрѣзокъ отъ такого сукна я видѣлъ въ Сеулѣ у многоуважаемаго Н. Н. Бирюкова (учителя русской школы); на немъ пребезграмотная фабричная марка вродѣ «въ Казани у Москвы» по-русски.

Какъ я замѣтилъ, въ Сеулѣ изъ Примурья прибыли въ декабрѣ или ноябрѣ 1896 года три офицера и 10 унтеръ-офицеровъ, съ декабря начали обученіе 1-го баталіона, предназначавшагося для караула и охраны дворца (король жилъ въ зданіи русской миссіи), солдаты вербовали съ платой 5 рублей въ мѣсяцъ и готовый приварокъ; охотниковъ являлось въ десять разъ болѣе необходимаго и они принимались послѣ медицинскаго осмотра нашимъ докторомъ медицины Червинскимъ, пріѣхавшимъ съ инструкторами изъ Хабаровска.

До того времени обученіемъ корейцевъ занимались безуспѣшно дилетанты-американцы (г. Нилштедтъ, бывший казначейскій артиллерійскій американскаго флота, дошелъ до чина генерала—*de facto* несуществовавшей корейской арміи), за ними слѣдовали японцы; обученіе велось къ тому, чтобы привести корейцевъ къ безвредному для японцевъ состоянію: ни военнаго вида, ни выучки, ни дисциплины и они достигли цѣли вполнѣ, въ чемъ убѣждало состояніе остальныхъ четырехъ баталіоновъ Сеула, бывшихъ на старомъ положеніи и служившихъ по японской выучкѣ, но не по-японски, насколько я могу судить по образцовой внѣшней выучкѣ, видѣнной мною на маневрахъ въ Осакѣ, ученьяхъ въ Токио и въ окупаціонныхъ войскахъ въ Корей (въ Сеулѣ, Фузанѣ и Гензанѣ).

Первый баталіонъ, обученный русскими инструкторами, занималъ караулъ во дворцѣ съ марта 1897 года, причѣмъ караульнымъ начальникомъ назначался русскій унтеръ-офицеръ, а разводящими молодые корейскіе офицеры; королю было доложено полковникомъ Путятѣй, каковы обязанности и права часовыхъ и караула, неизбежность исполненія требованій часоваго. Король рѣшился испытать новыя качества своихъ солдатъ, такъ какъ до того времени всѣ (а въ то время части «министерскихъ» войскъ, гдѣ не было нашихъ инструкторовъ), стоя на посту, клали ружья на землю, отдыхали, уходили, а по ночамъ крѣпко спали и приказалъ однажды никого не выпускать изъ дворца; выходитъ министръ двора принцъ И-чи-сунъ, извѣстный русскимъ «толстый принцъ», часовой останавливаетъ его, принцъ королевской крови—идетъ, часовой загроживаетъ дорогу, разсерженный вельможа не останавливается, часовой бросаетъ ружье «на-руку» и упираетъ штыкъ въ мундштукъ, тотъ перепуганный, взбѣшенный бѣжитъ къ королю и требуетъ казни часоваго. Король отослалъ его для вразумленія къ

полковнику Путятѣй, который объяснилъ силу требованій часоваго, его обязанность настоять во что бы ни стало на исполненіи ихъ; И-чи-сунъ проситъ хоть не употреблять въ дѣло штыка, полковникъ отвѣчаетъ ему, что это зависитъ отъ часоваго, что въ его волѣ употребить другое средство—стрѣлять, принцъ взмолился—лучше ужъ штыкъ, чѣмъ пуля. Я навѣщалъ своихъ товарищей, жившихъ во дворцѣ; и въ караулѣ, и на постахъ служба неслась вполнѣ серьезно, чего добились съ трудомъ и за чѣмъ смотрѣли строго.

Легко понять, какъ мудрено поставить дѣло обученія (не зная языка) людей, втянутыхъ въ небрежное исполненіе обязанностей, составившихъ себѣ превратныя представленія о военной службѣ; умѣлая организація, спокойствіе, настойчивость, сердечное желаніе успѣха со стороны высшихъ, смѣтка и ревностное отношеніе унтеръ-офицеровъ дали въ три мѣсяца поразительные результаты; выправка, маршировка, ружейные приемы были вполнѣ хороши, благодаря гимнастикѣ явилась свобода движенія. Я былъ на трехъ стрѣльбахъ—люди, не стрѣлявшіе до той поры, давали процентъ входящей въ нашу оцѣнку.

Народъ сходилъ толпами смотрѣть невиданное до той поры зрѣлище. Гимнастика одиночная, на машинахъ дѣлалась большей частью хорошо, а многіе исполняли упражненія, выдающіяся по трудности, на что ихъ подвинулъ мастеръ и любитель поручикъ Сикстель; чехарда привилась и прыгали съ охотой; эта игра очень понравилась бывшему на ученіи французскому военному *attaché* въ Китаѣ, но особенно онъ былъ пораженъ чехардой нашихъ унтеръ-офицеровъ; когда самый высокій изъ нихъ становился, не стибаясь, а другой безъ разбѣга, съ удара руками о плечи взлеталъ надъ нимъ и круто опускался передъ его носомъ, французъ аплодировалъ и повторялъ «*sapristi!*».

Какъ далеки были корейцы за три мѣсяца до этого, видно изъ слѣдующаго: послѣ первыхъ уроковъ пассивной гимнастики они стали чувствовать естественную боль мускуловъ ногъ, рукъ, спины, живота и рѣшили, что это европейская хитрость: ихъ хотятъ извести безъ убійства, что отъ этихъ упражненій отнимутся руки, ноги и т. д.; позднѣе не хотѣли строить гимнастическаго городка, такъ какъ по очертанію онъ напоминалъ висѣлицу, а покушку каната для лазанья оттягивали съ полгода.

Здоровались и командовали по-русски, отвѣчали не рубя, а

дружно, скоро, какъ въ Кіевскомъ округѣ; сигналы употреблялись наши, даже просили научить русскимъ пѣснямъ, которыя распѣвали наши унтеръ-офицеры; надо было видѣть объясненія учителей на половину по-корейски, на половину по-русски съ дополненіемъ мимики и пантомимы; хотя въ каждой ротѣ было по 5-ти переводчиковъ, но въ горячую минуту объяснялись и безъ нихъ.

Поручикъ Афанасьевъ переводилъ на корейскій языкъ уставы; поручикъ Кузьминъ зорко смотрѣлъ за хозяйственными чинами баталіона, у которыхъ космополитическое отношеніе къ казенной собственности вошло въ традиціи и вель занятія съ офицерами; кромѣ того всѣ наши офицеры занимались въ ротахъ по 6—8 часовъ въ день.

Съ удовольствіемъ я смотрѣлъ работу въ Сеулѣ и съ гордостью уѣзжалъ, сознавая, что въ этой работѣ наши оказались мастерами; таково впечатлѣніе всѣхъ видѣвшихъ дѣло.

На улицахъ Сеула, въ которомъ болѣе 200,000 жителей, оживленіе съ ранняго утра до поздней ночи; идутъ на работы, гонять вьючный транспортъ—по большей части быковъ, на которыхъ кладутъ попонку, съ каждаго бока по одной рогаткѣ, сверху связанныхъ веревками, а на наклонные бруски кладутъ грузъ; громоздкій товаръ: хлѣбъ, солома, хворостъ обыкновенно закрываетъ все животное—видна голова и ноги; масса носильщиковъ съ рогульками на спинахъ грузятъ на вьюкъ до 5-ти пудовъ, берутъ за день 20 копѣекъ и съ барышемъ замѣняютъ лошадь, что испытали японцы въ войну 1895 года; около 10-ти часовъ утра въ разныхъ направленіяхъ идутъ въ школу ученики, плавно выступая въ бѣлыхъ халатахъ—это самая симпатичная и опрятная часть населенія Сеула; около этого же времени по улицамъ начинаютъ бродить по одиночкѣ и группами праздные, которыхъ здѣсь особенно много; ихъ видишь вездѣ и чуть два европейца сошлись и начали разговаривать, кругомъ собирается толпа, которая внимательно слѣдитъ за разговоромъ, не понимая ни слова. Въ этой категоріи не бываетъ только женщинъ; онѣ или за домашней работой, или у рѣки на стиркѣ; здѣсь концертъ: сотни вальковъ бьютъ по кускамъ одежды, положеннымъ на камни; свѣтлое платье корейцевъ требуетъ частой стирки и для удобства матерія зачастую не сшивается, а склеивается изъ выкроенныхъ кусковъ, которые при стиркѣ раздѣляются. Около полудня тихо выступаютъ на службу толстые мандарины въ паланкинахъ или верхомъ на

ослахъ, которыхъ ведутъ подъ уздцы конюхи; впереди и сзади идутъ полицейскіе; рослые одутловатые сановники на маленькихъ ослахъ представляютъ очень курьезное зрѣлище. Военно-начальники верхомъ на маленькихъ коняхъ, которыхъ чаще ведутъ подъ уздцы солдаты; впереди и позади идутъ также солдаты, нагруженные чемоданами, баулами съ принадлежностями туалета и прочими вещами, необходимыми по понятіямъ корейскихъ маіоровъ стараго закала. Около 20-го числа у министерствъ, а ихъ полный комплектъ: двора, народнаго просвѣщенія, финансовъ, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, военное и еще кой-какія, толпятся повозки и вьюки—за содержаніемъ; оно не велико по цѣнѣ, особливо, если г. Броунъ для сведенія баланса рѣшалъ не платить 3-му отдѣленію полиціи или такимъ и инымъ учрежденіямъ, но по объему порядочно—на $\frac{9}{10}$ копѣйки пять мѣдныхъ монетокъ—сапекъ или фынъ. Вечеромъ гуляютъ; европейцы заходятъ въ дипломатическій клубъ почитать газеты, сыграть партію на биліардѣ; вечеромъ встрѣчаются носилки съ пѣвицами, танцовщицами и актрисами, все подъ званіемъ кисень; преважно сидятъ онѣ въ шелковыхъ костюмахъ и бѣлыхъ башмачкахъ; на платьяхъ украшенія изъ янтаря и камней, амулеты, наборы съ духами и очки горнаго хрустала въ черепаховой оправѣ, непремѣнная принадлежность всякаго зажиточнаго или сановитаго корейца, хотя бы съ безукоризненнымъ зрѣніемъ; очки часто дымчатаго цвѣта.

У воротъ дворца на циновкахъ сидятъ просители, передъ сидящимъ корзина, иногда съ зерномъ, а сверху бумага съ іероглифами; ходатаи высиживаютъ по недѣлямъ.

Пріѣзжаго поражаетъ на улицахъ масса слѣпыхъ, что объясняютъ тонкой по черному и пылью отъ землянаго пола и глинобитныхъ стѣнъ.

Корейцы по закону и обычаямъ обязаны «своими счастьемъ» до 12-й степени родства; всякій въ семьѣ долженъ помогать немущимъ, не разбирая слабый-ли то или лѣнтяй и тунеядецъ.

Въ отношеніяхъ къ родителямъ полное почтеніе; дѣти обязаны навсегда быть участливыми къ жизни отца и матери, помогать въ нуждѣ, утѣшать въ горѣ; сажаютъ отца въ тюрьму—дѣти по очереди просиживаютъ дни у воротъ тюрьмы, бросая домашнюю работу, школьныя занятія и даже службу; умерли родители—на послѣдніе сапеки нанимаютъ астрологовъ розыскать мѣсто для могилы, чтобы для праха и души былъ вѣчный миръ и покой,

обрѣтаемые только въ извѣстномъ астрологамъ мѣстѣ; эти ученые шарлатаны выбираютъ раньше деньги, а затѣмъ и мѣсто; проѣзжая по Корей, часто на красивыхъ склонахъ горъ, на взлобкахъ, видишь округленные холмики, расположенные группами; мѣста эти по большей части живописны, а съ нихъ красивый видъ вдаль.

Невыгодно быть холостымъ; они всегда въ подчиненіи у своихъ близкихъ женатыхъ, хотя бы и младшихъ; много 8-ми-лѣтнихъ мальчугановъ уже жениховъ, одѣтыхъ въ цвѣтныхъ жилетахъ.

Сословное дѣленіе установлено 2000 лѣтъ тому назадъ и неподвижно: дворянство, потомственное и личное, теряется за преступленія, за неравный бракъ; въ число его привилегій входитъ свобода отъ военной службы, неприкосновенность личности; послѣдняя очень условна, такъ что принцу крови И-чи-Суну около 1895 года рвали бока, не лишая дворянскаго званія; въ 1897 году я его засталъ министромъ двора, а въ 1898 году, кажется его отправили на островъ Кельпартъ въ ссылку. Много подобныхъ перипетій возможно еще при хаотическомъ состояніи умовъ и шаткой власти нашей сосѣдки. Дворянамъ даютъ наиболѣе хлѣбныя мѣста, но за то они должны поддерживать всю свою родню.

Рабочіе классы Кореи организованы въ цехи на твердыхъ основаніяхъ и очень замкнуты. Вспоминаю такой случай: переѣхавъ у Рюниса рѣчку, я уплатилъ за перевозъ и не удержался дать, по-русски, на водку, соображаясь, чтобы плата дѣлилась поровну по числу перевозчиковъ; десять минутъ они такъ кричали, считали, что я думалъ — подерутся, но въ заключеніе подѣлили все не поровну; мой проводникъ объяснилъ, что каждый получаетъ въ зависимости отъ своей работы и отъ числа родныхъ, которыхъ онъ поддерживаетъ. Едва ли не самую сильную корпорацію составляютъ носильщики; ихъ отношеніе къ тому или другому вопросу внутренняго устройства не игнорируется центральными учрежденіями, а города относятся къ нимъ внимательно; въ одномъ городѣ стѣснили этотъ солидный цехъ честныхъ тружениковъ и они его покинули, а такъ какъ онъ одинъ на всю страну, то городъ остался безъ носильщиковъ, тоже что наши столицы безъ желѣзныхъ дорогъ или безъ перевозочныхъ средствъ.

Промышленность невелика и не отличается разнообразіемъ; въ старину корейское фарфоровое производство было лучшимъ на всемъ крайнемъ востокѣ, но японцы и китайцы послѣ каждаго удачнаго набѣга на Корею захватывали къ себѣ лучшихъ масте-

ровъ, которые положили начало нынѣшней выдѣлкѣ фарфора въ Японіи и Китаѣ, въ Корей же эта выдѣлка упала и если встрѣчаются гдѣ-либо хорошія произведенія, то несомнѣнно старыя; свидѣтельствомъ былого служатъ развалины печей съ остатками переплавленного матеріала.

Видное мѣсто въ корейской промышленности занимаетъ бумажное производство: изъ дерева выдѣлываютъ бумагу для обклейки стѣнъ, толстые, эластичные картоны идутъ на настилку половъ и подшивку потолковъ, тонкіе сорта бумаги — для письма, промасленные — на изготовленіе непромокаемыхъ колпачковъ, надѣваемыхъ сверху общепринятой въ странѣ волосяной шляпы, расплывающейся отъ дождя. Существуетъ и обширное водочное производство для потребленія внутри страны.

Архитектурный стиль таковъ же какъ и въ Китаѣ, но проще и однообразнѣе: общественныхъ или казенныхъ зданій, бьющихъ на вниманіе — нѣтъ вовсе; обычныя жилыя постройки — все подъ рядъ одно и то же, съ тою лишь разницей, что кое-гдѣ стѣны плетневые, забитыя глиною, гдѣ двойныя, толстаго картона съ забивкою промежутка мусоромъ. Передъ всякимъ домомъ съ улицы 2—3 двора и желающій войти въ домъ кричитъ объ этомъ съ улицы отъ воротъ.

Гдѣ можно видѣть достаточно много интереснаго, такъ это въ королевскихъ дворцахъ, которыхъ въ Сеулѣ четыре: отъ перваго дворца, расположеннаго около русской мисіи, осталось лишь мѣсто — пустырь, на которомъ стоитъ одинъ домъ, бывшая квартира полковника Д. В. Путаты; второй дворецъ расположенъ на краю города, у восточныхъ воротъ, на очень живописной пересѣченной мѣстности: много воды — ручейки, прудики, масса зелени, красивые виды, нелишенные нѣкоторой доли дикости. Цѣлые лабиринты зданій вьются въ разныхъ направленіяхъ и состоятъ изъ помѣщеній жилыхъ, официальныхъ и сѣти коридоровъ. Внутри жилыхъ зданій по рейкамъ передвигаются перегородки изъ деревянныхъ рамъ, заклеенныхъ бумагой; такія подвижныя перегородки позволяютъ въ данномъ зданіи устраивать покои разной послѣдовательности и размѣровъ, глядя по нуждѣ; второй дворецъ оставленъ послѣ заговора 1884 или 1885 года.

Третій дворецъ — самый большой: подъ постройки, сады, любительскіе огороды, поля короля и королевы и парки отгорожена площадь около 8 кв. верстъ; входъ съ улицы министерствъ по

плитной дорогѣ, обставленной обелисками и парапетами съ каменными львами; мѣстность не такъ красива, какъ во второмъ дворцѣ, но построекъ болѣе, кое-въ чемъ проглядываетъ чувство комфорта; былъ здѣсь отстроены на европейскую ногу, такъ-называемый, русскій домъ, балконъ котораго очень скоро провалился. Для освѣщенія дворца сооружена американцами электрическая станція, машины которой скоро стали.

Около русскаго дома находится комната, въ которой въ 1895 г. убили королеву, жену нынѣшняго короля Ли-хой, который и покинулъ дворецъ.

Ли-хой былъ избранъ въ преемники бездѣтнымъ королемъ, а по малолѣтству регентство принялъ отецъ его Тай-ванъ-кунъ, который за жесткость нрава получилъ въ Корей прозвище «злой старикъ»; крайнія мѣры во всемъ, безграничная строгость съ подчиненными и подданными, казни корейцевъ-христіанъ, избиеніе мисіонеровъ... По достиженіи сыномъ совершеннолѣтія старикъ не передалъ ему управленія, а послѣ разногласія съ Пекиномъ, объявилъ независимость Кореи отъ Китая; корейцы впервые отпраздновали независимость, длившуюся недолго: китайцы прислали въ Чемульпо (аванпортъ Сеула въ 50 в. отъ послѣдняго) отрядъ судовъ съ посланцемъ. Послѣдній прибылъ въ Сеулъ, своимъ привѣтствіемъ отъ Богдыхана и обходительностью тронулъ старика, который поѣхалъ въ Чемульпо на эскадру съ визитомъ; этотъ визитъ продолжался едва ли не 20 лѣтъ: китайскія суда снялись съ якорей и отвезли Тай-ванъ-куна въ Китай. Власть богдыхана возстановилась, Ли-хой принялъ управленіе, постоянно направляемый своей супругой, женщиной твердаго характера, сильной воли, практическаго ума и патриоткой.

Прошли года, прошло время старымъ обстоятельствамъ. Японія въ 1895 г. побила китайцевъ, Корея второй разъ отпраздновала свое освобожденіе отъ зависимости—фактъ незначительный по содержанию: зависимость почти ни въ чемъ не выражалась, если не считаться съ мелочами вроде полученія новаго календаря изъ Пекина и т. п., но японцы желали не дать никому забыть, что Корея освобождена, потому что они побѣдили Китай и убѣдили корейцевъ поставить по дорогѣ въ Пекинъ за воротами Сеула пирамиду независимости; въ праздникъ открытія этого монумента японцы принимали живѣйшее участіе и приложили много усилій, чтобы придать ему характеръ значительнаго событія.

Но японцы народъ практичный и довольствоваться устройствомъ развлеченій для другихъ, хотя бы и за счетъ послѣднихъ,—не въ ихъ натурѣ; для 45.000.000 на ихъ островахъ земли мало издавна стало тѣсно, надежда на переселеніе на Сандвичевы острова была разбита Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, Ляодунскій полуостровъ приходилось возвращать Китаю; оставался расчетъ на сосѣдство родной сестры, какъ японцы въ видѣ ласки называютъ Корею.

Послѣ 1895 года изъ Японіи двинулась армія пионеровъ цивилизаціи; въ короткое время обученіе войска, школы, полиція перешли въ руки японцевъ, на небольшія мѣста въ таможни попали японцы, ихъ гарнизоны стали въ Сеулѣ, Фузанѣ, Гензанѣ и еще кое-гдѣ. Съ войсками пришли цѣлыя семьи, заняли кварталы около казармъ, обстроились, завели торговлю, пооткрывали гостиницы и подобрали подъ свое вліяніе внѣшнюю политику и внутреннія дѣла страны: всѣ назначенія, всѣ мѣры проходили черезъ ихъ контроль.

Увлеченіе новой ролью, въ связи съ общимъ подъемомъ духа побѣдителей,—не дало японцамъ силъ остаться въ предѣлахъ благоразумія; долготерпѣніе корейцевъ превзошло мѣру, протестъ вырвался изъ-за пустаго: кореецъ не носитъ китайской косы, а скручиваетъ волосы, стягивая на затылкѣ и устраивая шишку; реформаторы объявили войну шишкамъ, объясняя, что отъ стягиванія волосъ уменьшается развитіе черепа и содержимаго въ немъ, а отсюда и отсталость. Японская полиція и солдаты гарнизона выходили на улицы съ ножницами, рѣзали волосы и кстати отбирали у корейцевъ трубки, которыя они сосутъ едва ли не цѣлыя сутки.

Народъ, ощущая непосредственно на себѣ участіе культуртрегеровъ, заволновался; талантливый токійскій карикатуристъ Жоржъ Биго, изображая подобную сцену, писалъ: «косы отрѣзаны, трубки отобраны, вліяніе потеряно; фактъ ненависти и упорства сталъ яснымъ». Но японцы пошли далѣе: поставили во дворцѣ свои войска, связали весь дворецъ и казармы телефонами, на важныя мѣста насильственно провели людей, отвѣчавшихъ ихъ видамъ, а по общему призванію таковыми были самые подонки корейскаго чиновничества. Японія издавна ненавистна Корей, ненависть эта уже созрѣла въ каждомъ маломъ школьнаго возраста и понятно, кто и почему могъ стать угоднымъ японцамъ.

Король былъ въ полномъ умнѣнн, не рѣшался противодѣйствовать ни въ чемъ, считая себя полупогибшимъ. Наоборотъ, королева — женщина съ умомъ и характеромъ, совмѣстно съ своей партіей противостала японцамъ, выясняя ихъ происки и обращалась къ народу, среди котораго она была популярна и который не выдалъ ее въ 1885 году, когда она скрылась въ провинціи отъ заговорщиковъ; все это стало ясно для японцевъ и они оказались вынуждены рѣшиться на все, лишь бы удалить королеву отъ короля, отъ власти и лишить ее возможности дѣйствовать на народъ.

Однажды ночью королева съ фрейлинами находилась въ своихъ покояхъ близъ русскаго дома; приближенные сообщили ей, что заговорщики ищутъ ее по дворцу, всѣ вмѣстѣ бросились по коридорамъ, ища спасенія въ бѣгствѣ, въ торопяхъ королева забѣжала въ непроходную комнату, была настигнута толпою; впереди были корейскіе сановники — сторонники японцевъ, которые подпирали ихъ, находясь позади; вице военный министръ И-чжюхэ нанесъ королевѣ рану; еще живую, истекающую кровью, ее завернули въ циновки, выбросили изъ окна наружу, отнесли въ рощицу, гдѣ наслись ея любимыя горныя козы и, обливъ керосиномъ, сожгли; нынѣ на этомъ мѣстѣ устроены памятники, въ видѣ земляного холма, съ каменными стѣнами. Въ 1897 году готовились похороны; астрологи полтора года искали мѣсто для могилы королевы, наконецъ, остановились на красивыхъ склонахъ, верстахъ въ 5-ти отъ Сеула; подъ гробницу былъ назначенъ холмъ, которому придали форму полуэллипсоида; я засталъ земляныя работы оконченными, шла огромная камнетесная работа для портиковъ, облицовки склепа, зданія для фрейлинъ, которыя должны прожить здѣсь 2 года послѣ погребенія; ежедневно работало до 1,500 чел., съ поденною платою отъ 8 коп. до 1 рубля; камнетесы работали тесовиками на гибкихъ эластичныхъ рукояткахъ; дѣла хватило на много мѣсяцевъ.

Положеніе короля послѣ смерти жены стало невыносимымъ и нельзя было ожидать благополучнаго исхода; власть перешла въ руки японцевъ, они назначали министровъ, сановниковъ, запретили королю выѣздъ изъ дворца и завладѣли государственной печатью; дворецъ наполнился ихъ караулами, японскія войска и полиція держали городъ въ своихъ рукахъ.

Раннимъ утромъ 1896 г., весною, изъ помѣщенія придворныхъ дамъ въ двухъ паланкинахъ вынесли фрейлинъ; носильщики

обратили вниманіе на значительный грузъ ноши, но по приказанію вышли изъ дворца и направились по улицамъ города, вошли во дворъ русскои мисіи черезъ маленькую калитку; подъ платьями фрейлинъ помѣщались король и наслѣдникъ.

Въ мисіи находился десантъ въ 150 чел., при двухъ орудіяхъ. Король почувствовалъ безопасность своего положенія, издалъ манифестъ, которымъ лишалъ должностей наперсниковъ Японія и объявилъ рядъ новыхъ назначеній; общая радость народа была связана съ самосудомъ надъ японофилами; остервененіе дошло до того, что вблизи стариннаго большого колокола кусали и рѣзали тѣла убитыхъ, что для миролюбиваго корейца признакъ крайняго озлобленія.

Утромъ дипломатическій корпусъ представлялся королю въ русскои мисіи, всѣ были удивлены свершившимся, а японскій повѣренный сконфуженъ; послѣ разбора дѣла объ убійствѣ королевы, онъ былъ отозванъ.

Кое-какой порядокъ и нѣкоторая опредѣленность стали водворяться въ странѣ, бунты на сѣверѣ утихли, власть въ полной мѣрѣ перешла къ королю.

Вопросъ колонизаціи—вопросъ жизни для Японіи; немислимо было предполагать, что неудача заставитъ навсегда отказаться отъ притязаній на Корею и окончательно примириться съ новымъ порядкомъ и усиленіемъ русскаго вліянія; то, что произошло, то послужило урокомъ для дальнѣйшаго. Японцы повели въ Корей пропаганду, пользуясь школой, устраивая прогулки съ развлечениями для дѣтей, празднества, народныя игры, раздавая книги, и все это должно было внушить корейцамъ, что двѣ сестры и братъ (Корея, Японія и Китай) имѣютъ полный интересъ жить согласно, чтобы избѣжать опасности отъ большого сѣвернаго медвѣдя—Россіи; агитація имѣла кое-какой успѣхъ: къ королю поступали прошенія отстроить новый дворецъ, переѣхать въ него изъ русскои мисіи съ тѣмъ, чтобы быть ближе къ народу.

Въ февралѣ 1897 года король переѣхалъ въ новый (четвертый) дворецъ, расположенный въ европейскомъ кварталѣ города, вблизи мисіи; дворецъ незатѣйливъ, въ немъ мало простора, нѣтъ зелени; наши офицеры-инструктора и унтеръ-офицеры по настоятельному желанію короля жили во дворцѣ, охраняемомъ внутри и у воротъ часовыми, обученными службѣ по-русски; даже будки на постахъ и барьеры караульнаго дома трехцвѣтные, но цвѣта традиціонныя

для Кореи. Кромѣ солдатъ, охрану составляютъ 300 чел. дворцовой полиціи.

На службѣ правительства состояли совѣтники — европейцы, получавшіе по 7—8,000 руб. въ годъ: при министерствѣ двора французъ Лежандръ, при военномъ—американецъ Нильштедтъ, небольшой знатокъ военного дѣла, которымъ онъ и не занимался, но человекъ съ самомиѣніемъ; англичанинъ Макъ-Левинъ-Бруунъ, инспекторъ таможенъ, совѣтникъ министерства финансовъ, большой знатокъ азіатовъ, человекъ, не стѣснявшійся иногда не платить жалованье для пополненія казны; при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ находился американскій гражданинъ Джессенъ, бывшій кореецъ Ю-че-пиль, участникъ заговора 1884 года, спасшійся отъ казни бѣгствомъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, онъ же докторъ медицины и мужъ американки, самой красивой дамы Сеула; американскій консулъ Силь устроилъ его назначеніе.

Вообще Сеулъ изобилывалъ всевозможными казенными учрежденіями въ огромномъ числѣ; въ мою бытность тамъ создавалась при государственномъ совѣтѣ кодификаціонная комисія. Какъ-то на улицѣ встрѣчаю одного корейца-крестьянина изъ Уссурийскаго края — въ прекрасной парѣ, часы, шляпа; на мой вопросъ «что это Матвѣй сталъ франтомъ?», отвѣчаетъ, что онъ въ государственномъ совѣтѣ составляетъ положеніе о министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по русскому своду законовъ.

Государственный совѣтъ открывалъ засѣданія въ полночь и сидѣли до разсвѣта, отдыхая за то съ утра до вечера.

Кромѣ корейскихъ школъ грамотности, медицинской, судебной и астрономической — правительство содержало: англійскую на 110 чел., которую англичане поддерживали своими средствами; курсъ пять лѣтъ, два англичанина учителя, постановка солидная; въ виду спроса на говорящихъ по-англійски школа имѣла полный составъ учениковъ и преподаватели не упускали случая и на урокахъ географіи, исторіи и ариѳметики отводить первое мѣсто Англій; русская школа на 60 чел., курсъ 5 лѣтъ, завѣдывалъ Н. Н. Бирюковъ; его помощникъ Ханъ жилъ въ Уссурийскомъ краѣ, хорошо говорилъ и писалъ по-русски — о подробностяхъ ниже; французская школа, около 70 учениковъ; преподаватель М-г Martel, симпатичный, самоувѣренный молодой человекъ, очень дѣльный, хотя его не долюбивалъ французскій посланникъ Кол-

лень-де-Плянси, клерикаль, желавшій передать школы іезуитамъ; была одна японская школа и одна американская, гдѣ читали парламентское право, а учителя-мисіонеры занимались торговыми дѣлами.

Теперь позволяю себѣ думать, что читателю будетъ интересно узнать подробности о русской школѣ и ея ученикахъ.

Школа создана въ 1896 г. благодаря полному сочувствію тогдашняго повѣреннаго Л. И. Вебера и дѣятельному и сердечному участию вице-консула Распопова; Н. Н. Бирюковъ принялъ завѣдываніе, избравъ помощникомъ Хана. Школа открылась въ то время, когда корейцы въ русскомъ участіи увидѣли надежду на выходъ изъ труднаго положенія.

К. И. Веберъ долго прожилъ въ Корей, полюбилъ этотъ трудолюбивый народъ, его супруга добрымъ участіемъ къ бѣднякамъ была извѣстна въ Сеулѣ всѣмъ и это доброжелательство, полное искренности и безкорыстія, приобрѣло особое уваженіе и довѣріе къ русской мисіи. На школу назначили 3,000 рублей и сверхъ того по 175 (теперь по 300) рублей въ мѣсяцъ завѣдывающему ею; ученики собирались съ 8-ми до 26-ти лѣтъ, всѣ шли въ надеждѣ получить мѣсто или у себя, благодаря русскому вліянію, или при русскомъ дѣлѣ; всего поступило 25 человекъ, число это дошло до 60 и постоянно колебалось; нѣкоторая часть учениковъ поддавала вліянію политическихъ событій и просто слуховъ: пустить кто-либо утку, что въ Сеулѣ идутъ два русскихъ полка и 5 — 10 учениковъ прибываетъ, слухъ иной — отливъ изъ школы; Н. Н. Бирюковъ былъ правъ, не принимая въ расчетъ этихъ политикановъ, но и не мѣшая имъ поступать; все же хорошій духъ школы и сердечныя заботы объ ученикахъ располагали иныхъ къ ней и тѣ основывались въ школѣ осѣдло.

Постановка занятій въ школѣ такова: начиная съ азбуки и счисленія, доходили до изложенія прочитаннаго, небольшихъ сочиненій и дробей, давался краткій историческій и географическій очеркъ Россіи и подробный о Корей; постоянная практика въ русской разговорной рѣчи составляла основаніе.

Большая часть учениковъ связно и ясно говорятъ по-русски послѣ втораго года, дѣти и взрослые скоро усваиваютъ азбуку и черезъ 7—10 дней читаютъ по складамъ; письмо дается легко, такъ какъ наши буквы очень просты по сравненію съ китайскими іероглифами, а эти послѣдніе извѣстны ученикамъ по школѣ грамоты,

которую, хотя не полностью, но многие прошли; слова запоминаются хорошо, но диктантъ дается не легко: слухъ корейца трудно представляетъ себѣ нашу звуковую послѣдовательность; во время уроковъ сосредоточенность полнѣйшая, замѣняющаяся въ перемѣны устройствомъ чехарды, бѣга взапуски и пр. играми хорошо дѣйствующими на молодежь.

Преподаваніе арифметики сталкивалось съ своеобразиемъ корейскаго счисленія—скорѣе всего пятичной системы. Такъ 1, 2, 3, 4, 5 будутъ I, II, III, IIII, 6, 7, 8 и т. д. I, II, III; 11, 12, 13 и т. д. —I, —II, —III; 21, 32, 44: =I; ≡II; ≡III; 51, 62: ¹I, ¹II. Указанная система показываетъ, что единицы собираются въ пятки, два пятка—въ десятки (уступка десятичной); десятки собираются въ пятки. Живя въ Сеулѣ около мѣсяца, я попросилъ уважаемаго Н. Н. Бирюкова разрѣшить мнѣ 2 часа въ день помогать ему въ арифметикѣ и взять начинающихъ; по словарямъ, составленнымъ французскими мисіонерами, мнѣ удалось разобрать особенности счисленія, въ чемъ помогъ Ханъ; продумавъ послѣдовательность перехода, я приступилъ къ дѣлу.

Мои смуглолицые и косоглазые слушатели внимательно слѣдили за малѣйшими деталями разсказа, а въ дальнѣйшемъ, при постоянномъ упоминаніи условнаго означенія, мы прошли сложеніе, вычитаніе и одолѣли таблицу умноженія, которая поразила весь класъ; въ перемѣны они водили по ней руками и, казалось, остались очень довольны ея примѣненіемъ, раскочивая отъ удивленія головами въ волосяныхъ шляпахъ, въ которыхъ они сидѣли въ класѣ.

По моимъ наблюденіямъ, они не сразу схватываютъ мысль, вдумываются, соображаютъ, въ класѣ замѣтно движеніе, если вопросъ озадачилъ; но коль скоро одинъ тяжкодумъ сообразилъ, онъ громко объявляетъ всѣмъ въ класѣ, помогая имъ; разъ что понято, то понято прочно. Занятія начинаются въ 10 часовъ утра, въ 12 часовъ гимнастика, игры, маршировка, затѣмъ завтракъ отъ казны, которая отпускаетъ на это деньги; хозяйство ведетъ артель учениковъ.

Съ живою радостью вспоминаю я школу, ея порядки, учениковъ, ея завѣдывающаго; только его теплое, сердечное отношеніе создало то, что учениковъ числилось вдвое противъ штата; весело шли они въ школу, охотно въ ней занимались, всегда вниматель-

ные, вѣжливые, аккуратные, опрятно одѣтые, что для корейца не такъ обычно; какъ сейчасъ вижу Смы-Ю-Ника, перваго ученика, смугляка съ живыми черными глазами, съ нѣкоторымъ достоинствомъ сдержаннаго юноши, всегда въ халатѣ ослѣпительной бѣлизны; мальчуганъ всегда начиналъ по-русски или «я думаю», «мнѣ кажется», «по моему», а разыграется, оживится и скажется бойкая натура; теперь онъ переводчикъ у русскаго консула въ Мозампо. Живой, шаловливый, подвижный Ханаміонъ, лучшій математикъ и мастеръ рѣшать задачи, преподаетъ практику корейскаго языка въ Восточномъ институтѣ во Владивостокѣ. Ку—второй секретарь корейскаго посольства въ Петербургѣ. Всѣ они переписываются съ своимъ завѣдывающимъ; онъ имъ даетъ совѣты, предостерегаетъ, указываетъ съ чѣмъ слѣдуетъ ознакомиться и какъ дѣйствовать.

По вечерамъ, въ праздники, ученики приходили къ своему учителю поговорить, посмотрѣть фотографіи, журналы; попьютъ чаю съ бисквитами, потомъ Николай Николаевичъ пойдетъ съ ними прогуляться, дорогой болтаютъ, разсказываютъ о Корее, спрашиваютъ о Россіи и, встрѣчая незнакомыя слова, записываютъ ихъ въ свои книжки.

Пріѣзжавшіе въ Сеулъ русскіе вносили въ посольство небольшія суммы, которыя пошли на заказъ для учениковъ лѣтняго, европейскаго платья; хорошо если бы въ разныхъ мѣстахъ нашей родины нашлись откликнушіеся на русское дѣло и направили, что можно, въ Сеулъ; русское обаяніе увеличилось бы, если бы имѣющіе нужду въ грамотныхъ людяхъ, знающихъ китайское письмо и отчасти рѣчь—брали кончившихъ школу; на Востокѣ русскихъ мало и не отъ своего придется брать кусокъ для отдачи чужому. Помощь книгами, пособиями—была бы очень у мѣста.

Во французской школѣ успѣхи прекрасные, но не всегда искренніе. Видь сочиненій прекрасный, выработанный стиль; но мнѣ казалось, что чистовыя тетради ведутся съ выправленнаго учителемъ; въ этой школѣ былъ случай, характерный для опредѣленія чувствъ корейца къ Японіи: была задана тема «характеристика японца»; самыми мрачными тонами изобразили ученики свою сестру, а иные написали, что никогда не принялись бы изображать такихъ злыхъ и вѣроломныхъ людей, если бы не любили своего учителя, задавшаго неприятную тему.

Есть въ Сеулѣ дѣтскій католическій пріютъ для 200 дѣтей;

въ немъ шесть сестеръ общины St. Enfance и шесть сестеръ кореекъ; на все тратится 3,000 рублей въ годъ.

Христіанскія мисіи не играютъ большой роли въ духовной жизни корейца-христіанина; заповѣдами Христовой любви они мало руководятся въ жизни, но если католикъ займетъ у нехристіанина денегъ и не захочетъ отдать, то идетъ къ мисіонеру за защитой, а послѣдній все устроитъ чрезъ своего посланника; такихъ фактовъ многое множество и поневолѣ поймешь корейца, говорящаго о христіанствѣ: «вотъ какъ вашъ Богъ учитъ дѣлать; по нашему это очень плохо»; сами мисіонеры дали много поводовъ къ неудовольствіямъ массы.

Я не задавался цѣлью описывать Корею, а желалъ подѣлиться тѣми свѣдѣніями о странѣ, которыя остались у меня отъ видѣннаго и собраннаго, но, говоря столько о школѣ, не могу удержаться чтобы не сказать нѣсколькихъ словъ о корейскомъ языкѣ.

Католическіе мисіонеры-синологи утверждали, что корейскій языкъ, отличающійся отъ манджурскаго, имѣетъ сходство съ дравидійскимъ (въ Индіи), но теперь преобладаетъ взглядъ, по которому корейскій языкъ считаютъ родственнымъ языку тунгузовъ. Къ слову сказать, если кто проѣзжалъ на лошадяхъ между Нерчинскомъ и Читою и попадалъ въ тунгузскія селенія около Урульги, тотъ могъ наблюсти поразительно полное обрусѣніе населенія по одеждѣ, виду селеній и образу жизни. Изученіе письменности въ Корей ведется по китайскимъ іероглифамъ. Китайская письменность проникла въ Корею за 1122 года до Р. X. вмѣстѣ съ вторженіемъ китайскихъ войскъ подъ начальствомъ Кей-тока; богдыханъ Сиванъ (династіи Еюнь-таку), извѣстный Неронъ Китая, назначилъ Кей-тока королемъ Кореи; эта династія царствовала 1,000 лѣтъ, внесла съ собой китайскую литературу, нравы, понятія, философію, уваженіе къ наукѣ и систему публичныхъ экзаменовъ на ученые степени; національныя особенности народа не были приняты во вниманіе, даже исторію и ту изучали китайскую. Въ нѣсколько вѣковъ Китай призналъ научное значеніе только одной корейской книги «драгоценное зеркало восточной медицины».

Существовала ли корейская литература въ до-китайскій періодъ — неизвѣстно; прошлое забыто, китайская культура стерла всякіе намеки и никто не знаетъ, какъ думалъ, чего желалъ и во что вѣровалъ древній кореецъ; корейской силлабической азбукой, состоящей изъ 25 буквъ—14 согласныхъ и 11 гласныхъ—поль-

зуются только ребятишки и женщины; официальный, ученый и литературный языкъ — китайскій; на немъ пишутся лѣтописи государства, хроника королей, ученые труды, надгробныя эпитафіи; объявленія для народа и тѣ пишутъ въ два столбца, по-китайски и по-корейски, только въ американской школѣ проходятъ корейскій языкъ.

Обученіе китайской грамотѣ начинается съ книги «1,000 дзыръ»; по преданію эту книгу, по повелѣнію богдыхана, составилъ одинъ ученый въ ночь и къ утру всталъ совершенно съдымъ; разговорный языкъ—корейскій, а для ученыхъ и аристократіи—китайскій; въ корейской рѣчи для шику вставляютъ китайскія слова и выраженія.

Чтобы придать хотя нѣкоторую опредѣленность моимъ бѣглымъ, беспорядочнымъ замѣткамъ, не могу не предложить читающимъ эту статью нѣсколько цифръ: Корея занимаетъ площадь около 20,000 кв. миль, ея населеніе насчитываетъ до 15,000,000 душъ; армія 6,000 человекъ, изъ коихъ 1,000 солдатъ выученныхъ по-русски, а остальные такъ называемыя министерскія войска, т. е. состоявшія въ вѣдѣніи военнаго министра; баталіонъ, обученный нашими офицерами, почти не былъ связанъ со своимъ министерствомъ.

Средняя годовая температура +12° С; высшая +40° С, низшая—14° С (не болѣе 10 дней въ южной части); почва по большей части плодородна, есть небольшіе лѣса; минеральныя богатства заключаются въ золотѣ, разрабатываемомъ американцами у Пиньяна на 1,000,000 рублей, въ залежахъ серебра, мѣди, желѣза и селитры.

Главное занятіе населенія — земледѣліе, главный источникъ дохода сельскаго обывателя — рисъ, вывозимый японцами, который они ѣдятъ, а свой, высокаго сорта, вывозятъ за-границу; сѣютъ также ячмень, китайское просо и бобы; изъ послѣднихъ жмутъ масло, выдѣлываютъ сою, а жмыхами кормятъ скотъ, а главное лошадей, которыя отъ этого корма дѣлаются потливыми въ работѣ.

Предметы вывоза—бобы на 1,000,000 руб., рису и воловьихъ кожъ на 2,000,000 руб.; главный предметъ ввоза—хлопчатобумажныя ткани и веревки.

Я упоминалъ о зависти японцевъ, видящихъ въ Корей русское дѣло. Недоброжелательство росло и въ апрѣлѣ 1897 года въ Сеулѣ ходилъ слухъ, что японское представительство увѣщевало въ сек-

ретной аудіенці короля отказаться отъ нашего инструкторства; Японія бралась гарантировать благополучный исходъ переговоровъ.

Черезъ двѣ недѣли по выѣздѣ изъ Сеула я увидѣлъ въ японскихъ газетахъ, издаваемыхъ въ Токагамѣ на англійскомъ языкѣ, замѣтку о томъ, что Корея убѣдилась въ превосходствѣ японскихъ инструкторовъ и рѣшила пригласить ихъ на замѣну русскихъ. Тотъ, кто видѣлъ сколько труда потрачено нашими инструкторами, съ какой искренностью велось обученіе и какихъ результатовъ они достигли, не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ фальши приводимыхъ газетами фактовъ.

Д. Симоновъ.

